

«Авторитарный человек» как главный герой романа «Преступление и наказание»

Впервые в исследовательской литературе автором предложена трактовка психосферы Р. Раскольникова сквозь призму теории «авторитарной личности» Т. Адорно. В рамках статьи показано, что герой «Преступления и наказания» обладал следующими деструктивными чертами: синдромом садомазохизма, искаженно-параноидальным восприятием действительности, ложной стереотипностью мышления, склонностью к авторитарному подчинению и «комплексом узурпатора». Все вышеперечисленные черты были описаны Т. Адорно в его бестселлере «Исследование авторитарной личности». Таким образом, творчество Ф. М. Достоевского мы можем назвать своеобразной увертюрой к антропологическим концептам представителей франкфуртской школы критической социологии.

Ключевые слова: авторитарная личность; франкфуртская школа социологии; Раскольников; структура психики; Т. Адорно; Ф. М. Достоевский.

Роман Достоевского «Преступление и наказание» рассматривали чрезвычайно многопланово. Нами предпринята попытка выявления структурного архетипа психической сферы Р. Раскольникова через призму концепта авторитарной личности Т. Адорно. Представителям франкфуртской школы удалось проанализировать огромный массив эмпирических данных, обусловивших научный характер данной работы.

Стоит заметить, что монография одного из самых ярких представителей франкфуртской школы была чрезвычайно актуальна в XX веке, но Т. Адорно описывает личность, которая влияла на все исторические эпохи, роль насилия в рамках развития человеческой цивилизации неустраима и тотальна.

Т. Адорно не мог оставить творческий дискурс «русского сумрачного гения» вне поля своего рефлексивного осмысления. Идеолог франкфуртской школы затрагивает важные аспекты восприятия творчества «русского Данте» в сознании философов и культурологов Германии, подчеркивая, например, что экзистенциалистская трактовка наследия литератора крайне субъективна. Интерпретированное экзистенциалистами (М. Хайдеггером и К. Ясперсом) восприятие Достоевского отдаляет читателей от понимания антикапиталистического пафоса его произведений, делая «русского почвенника» выразителем сознания мелкой буржуазии: «Тому, у кого никакой тайны нет, достаточно лишь говорить так, словно он таковой обладает, а другие – нет. “Каждый человек – избранный”»: эта экспрессионистская формула из одной драмы убитого национал-социалистами Пауля Корнфельда (Kornfeld), если вычесть из нее ложно понятого Достоевского, вполне годится для идеологической мастурбации мелкой буржуазии, униженной опасным для нее ходом общественного развития» [2, с. 15]. Но то, что немецкий философ и музыковед открыл в рамках социологии, Достоевский рассматривает в виртуальной плоскости своих романов. Поразительно, но многие психологические черты личности, наделенной «авторитарными чертами», которые описывал в своих книгах «русский Данте», были обнаружены в характере исследуемых респондентов (жителей США) в результате социологических опросов, осуществленных институтом социальных исследований. Т. Адорно совершенно справедливо отметил в

* **Алексей Владимирович Лесевицкий**, преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финансового университета (г. Пермь)
E-mail: Lesev100@mail.ru

преамбуле к своей монографии, что «авторитарная личность» не может быть сведена исключительно к национал-социалистическому проекту, проявления политического тоталитаризма многообразны. Достаточно подробно немецкий мыслитель описывает сущностные признаки «авторитарного человека», его качества и свойства. Не будет преувеличением сказать, что в самом Достоевском чрезвычайно ярко проявились черты авторитарности.

Наша гипотеза заключается в том, что Достоевский столь детально описал признаки «авторитарной личности» в романе «Преступление и наказание» по причине того, что находил в собственной душе «темную сторону» своей многогранной и противоречивой персоны. Многие исследователи творчества русского художника слова настаивают на том, что «деструктивное подполье гомогенного эго человеческой души», столь поэтизированно изображенное Достоевским, – это не только плод его великого художественного таланта, но и элемент своеобразной самоисповеди и психотерапии. По мнению Л. Шестова, подлинный голос писателя прозвучал в высказываниях «подпольного господина», Раскольникова и даже Великого Инквизитора, а не только в речах «официальных» глашатаев гуманистических православно-святоотеческих ценностей: «Ему самому страшно было думать, что “подполье”, которое он так ярко обрисовывал, было не нечто ему совсем чуждое, а свое собственное, родное. Он сам пугался открывшихся ему ужасов и напрягал все силы души своей, чтоб закрыться от них хоть чем-нибудь, хоть первыми попавшимися идеалами. Таким образом и создались фигуры князя Мышкина и Алеши Карамазова» [13, с. 87–88]. Стоит заметить, что большинство значимых персонажей Достоевского отличаются великой сложностью их внутреннего мира, противоречивостью морально-волевых импульсов, наличием многомерных слоев психосферы. Более того, они несводимы к какой-либо статичной и моносистемной модели психики личности, а представляют собой континуум психослоев, зачастую с амбивалентно-анархической структурой. Например, препарируемого нами Р. Раскольникова мы не можем свести исключительно к модели авторитарной личности, так как его гомогенное эго носит черты «расколото-го Я» (Р. Лэнг), которое в дисгармоническом синтезе сочетает в себе Христа и Наполеона [11]. Вот как характеризует главного героя романа его друг Разумихин, постулируя амбивалентность психосферы персонажа, дисгармонично сочетающих в себе разнонаправленность его волевых импульсов: «Полтора года я Родиона знаю: угрюм, мрачен, надменен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать и скорее жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувственен до бесчеловечия, право, точно в нем два противоположных характера поочередно сменяются» [4, с. 166]. Описание психологического портрета, который предложил в своем романе Достоевский, показывает, что, как минимум одна часть «расколотой» душевной сферы главного героя «Преступления и наказания» носит подчеркнуто авторитарный характер. И в данном аспекте «деструктивная часть» его личности полностью соответствует модели человека, которую описывал в своей монографии Т. Адорно. В нашем исследовании мы попытаемся скрупулезно рассмотреть «деструктивно-авторитарную» часть психосферы героя романа, которая по своим эмпирическим признакам практически полностью соответствует концепту «авторитарной личности», столь фундаментально описанной одним из главных идеологов франкфуртской школы. Каковы же феноменологические черты авторитарной части личности Раскольникова?

1. Т. Адорно совершенно справедливо выделял в подобных людях садомазохистский сегмент их внутреннего Я. Стоит отметить, что в Раскольникове чрезвычайно ярко проявились подобные специфические черты характера. С одной стороны, он, безусловно, обладает синдромом садиста – личности, которая испы-

тывает бессознательное, а иногда осознанное удовольствие от страдания другой личности. Но, с другой стороны, он ощущает и сострадание к своим близким, готов пожертвовать очень многим ради них, он «великодушен и добр, но и холоден до бесчеловечия». И в этом смысле герой «Преступления и наказания» не эгоистическая и своекорыстная персона. Однако убийство Алены Ивановны и ее сестры ярко выявляет садистскую первооснову личности Раскольникова. Более того, персонаж романа восхищается этической атараксией Наполеона, Ликурга и пр., которые ярко продемонстрировали свое безразличие к людям, свои деструктивные психологические качества: «Прав, прав пророк, когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-р-ошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объясниться. Повинуйся, дрожащая тварь, и не желай, потому не твое это дело!» [4, с. 212]. Мы не случайно позиционируем Достоевского как одного из ярчайших предшественников франкфуртской школы критической социологии по причине того, что в рамках данного направления социально-политической теории была создана садомазохистская концепция личности, которая в художественном воплощении латентно, а иногда и вполне открыто присутствует (реализована) практически в каждом крупном произведении «русского Данте» [9]. Мазохистская первооснова личности Раскольникова проявляется многоаспектно: например, в голосе его подсознания – снах. Ночной кошмар с созерцанием убийства лошади есть скрытое желание ощутить боль и страдание другого живого существа как свое собственное. Герой романа подсознательно желает довести себя до предела саморазрушения: «Да что же это я! – продолжал он, восклонясь опять и как бы в глубоком изумлении, – ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего ж я до сих пор себя мучил?» [4, с. 50]. Кроме того, абсолютно в контексте мазохистского типа личности Раскольников выстраивает свои отношения с Порфирием Петровичем, латентно испытывая наслаждение от осознания неминуемого наказания, тотальность наступления расплаты за содеянное. Родион многократно мог избежать ответственности, например уехав из города, отравив или подкупив следователя, подставив другого человека (Миколку) и т. д. Но он этого не делает, подсознательно желая получить кару за свое преступление. Это прекрасно осознает скрытый садист Петр Петрович, который испытывает психологическое удовольствие от душевных страданий Раскольникова, от своеобразной игры со своей «жертвочкой»: «Да пусть, пусть его погуляет пока, пусть; я ведь и без того знаю, что он моя жертвочка и никуда не убежит от меня! <...> Он по закону природы у меня не убежит, хотя бы даже и было куда убежать. Видали бабочку перед свечкой? Ну, так вот он все будет, все будет около меня, как около свечки, кружиться; свобода не мила станет, станет задумываться, запутываться, сам себя кругом запутает, как в сетях, затревожит себя насмерть! <...> И все будет, все будет около меня же круги давать, всё суживая да суживая радиус, и – хлоп!» [4, с. 262]. Удивительно, но Т. Адорно в своей книге чрезвычайно подробно описывает данный психологический феномен, изображенный русским писателем. Человек не может избавиться от «диктата совести», давления этического императива «сверх-Я», готов сам стать жертвой. Представитель франкфуртской школы в своей концепции садомазохизма отметил, что, с одной стороны, авторитарная личность готова на безудержное насилие над другими людьми (убийство, сожжение, газовые камеры, пытки), но, с другой стороны, подобные люди готовы стоически переносить всевозможные невзгоды и страдания ради своего фюрера, даже если иногда подобное насилие исходит от него самого (политическая чистка партии, репрессии чиновничества, захватнические войны и т. д.): «В психодинамике “авторитарного” характера частично абсорбируется ранняя агрессивность, преобразуясь в мазохизм, частично она остается в виде садизма, который ищет питательную среду в тех, с которыми индивид себя не идентифицирует, т. е. в чужой группе» [1, с. 274–275]. В цитате

виднейшего представителя франкфуртской школы очень сжато представлен своеобразный психологический портрет Р. Раскольникова. Безусловно, в Алене Ивановне герой «Преступления и наказания» видел метафизическое воплощение всех пороков и отвратительных качеств личности; разумеется, Раскольников не идентифицировал себя с представителями той социальной группы, которую представляла старуха-процентщица: «О, как я ненавижу теперь старушонку! Кажется, бы другой раз убил, если б очнулась!» [4, с. 212]. В данном контексте «темная сторона» личности Раскольникова полностью соответствует модели «авторитарной личности» Т. Адорно.

2. Важным личностным признаком авторитарной личности является ее склонность к искаженному восприятию действительности, отчуждение от внешнего мира, изоляция от других индивидов. Достоевский пишет: «Замечательно, что Раскольников, быв в университете, почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело. Впрочем, и от него скоро все отвернулись» [4, с. 43]. Человек подобного типа творит окружающий мир изнутри своего деструктивного эго, трагически не замечая объективной реальности. Именно о подобной специфике личности писал в своей монографии Т. Адорно: «Эти люди были загнаны в изоляцию. Они вынуждены создать свой внутренний, часто граничащий с манией, иллюзорный мир, который они эмфатически противопоставляют реальности» [1, с. 285]. Подобное отношение к действительности сродни параноией, когда любое событие, факт, явление, действие может быть истолковано в рамках концепта, в основу которого заложена искаженная картина мира, превращенно-психоделическая форма бытия (идея Наполеона). По какой же причине возможна подобная духовная трансформация? Почему Раскольников предпочитает закрыться от мира в своей маленькой каморке, похожей на гроб? В картине мировоззренческой парадигмы Достоевского мир предстает как нечто опасное, величественно-ужасающее, нечто вышедшее из под контроля человека (невротический и социофобический синдромы). Не случайно М. Хайдеггер в одной из своих работ упомянул, что «русский Данте» лучше всех в мировой литературе описал экзистенциалы страха и ужаса, пронизывающие онтологическую первооснову любой личности. И именно ужас и трепет, вызываемый гигантоманическим универсумом человеческой цивилизации, вызывает желание ранимой личности «выдумать свой альтернативный мир», мечтать о том, чего объективно-банальная реальность не может предоставить. Необходимо осуществить онтологическое превращение отчужденного мира в свой со-причастный самости мир, попытаться преодолеть перманентное отчуждение между самодовлеющей цивилизацией и крошечной ее частичкой – живой личностью. Но мечты героя «Преступления и наказания» отнюдь не безобидны. Верна ли логика Раскольникова? Не есть ли она продукт параноидального синдрома? Согласно «параноидальной» логике он окружен не только враждебным миром, но и «опасными» для него людьми, «врагами», «недоброжелателями», «чужими», персонаж произведения практически болен манией преследования. По мнению крупного психолога К. Леонгарда, Раскольников является личностью с некоторыми психопатологическими чертами: «Учитывая это глубоко зашедшее параноическое развитие, которое извне ничем особенным не провоцировалось, можно сказать, что Раскольников является личностью застревающей... Интровертированность, несомненно, способствовала и тому, что Раскольников в своем параноическом развитии терялся в ходе собственных мыслей, удалялся от действительности» [10, с. 502]. Вместо объективной реальности героем была придумана ее искаженная «превращенная форма», симулякр подлинного бытия. Быть может, герой «Преступления и наказания» находится во власти ложных стереотипов, отчужденной субъективной действительности?

По мнению Т. Адорно, «шаблонность» мышления – ярчайший признак авторитарной личности: «Стереотипы не совпадают с реальностью, поскольку уходят от конкретного и довольствуются предвзятыми, застывшими и однозначными представлениями, которым индивидуум склонен приписывать почти магическую силу» [1, с. 111]. Раскольников оказался во власти стереотипической формы параноидального мышления, согласно которой ростовщичество – это эгоистическая привилегия финансовой элиты. Согласно достаточно распространенному стереотипу, ростовщики якобы используют весь капитал в сугубо эгоистических целях, хотя кредитование является не только неотъемлемой частью любой экономической системы, но и может играть положительную роль в области макроэкономических и микроэкономических процессов в гармоничном сочетании с низкой процентной ставкой. Помимо первого, весьма распространенного мифа о «вредности» ростовщичества, главный герой «Преступления и наказания» находится во власти второй мифологической стереотипизации, считая, что насилие – это самый эффективный способ разрешения мировоззренческого конфликта, а политическая власть (идея Наполеона) много выше власти финансово-экономической. По мнению Т. Адорно, стереотипы необходимы для того, кто не желает особо углубляться в ту или иную социальную или экономическую проблему, развивать свое, сугубо аутентичное восприятие мира. Действительно, шаблонами в прагматике обыденной жизни пользоваться значительно проще. Все ростовщики – это «мироеды», безжалостные к поработанным массам, а лучший аргумент в интеллектуальном споре с представителем противоположного мировоззрения – это «топор и право сильного». По мнению одного из главных идеологов франкфуртской социологической школы, именно из склонности немецкой нации к весьма схожим стереотипным формам мышления и стал возможен национал-социалистический проект, чудовищные формы непринятия других культур и этносов, подозрительность к «чужим» и «непохожим» народам: «Стереотипизация и персонификация не отражают реальность в достаточной степени. Их интерпретация может рассматриваться как первый шаг к пониманию комплекса “психотического” мышления, которое, как нам представляется, есть существенный признак фашистской ментальности» [1, с. 111]. Таким образом, Раскольников, безусловно, оказался в своеобразной «ловушке» ложной формы ментальности, в ловушке распространенного стереотипа и волюнтаристского шаблона мышления, согласно которому ростовщичество – это перманентное зло, а зло может быть искоренено исключительно насилием, тотальным господством над слабыми и беззащитными. Более того, никакого диалога в данной форме параноидального мышления не предполагается, осуществляется тотальное отрицание личности с несхожим внутренним миром, когда в «ад превращаются все другие» (Ж.-П. Сартр).

3. Следующим специфическим признаком авторитарной личности в «расколотом Я» героя «Преступления и наказания» является симптомокомплекс авторитарного подчинения, потребность обрести «властного покровителя» в лице «вождя», «великого кормчего», «лидера нации», «выдающегося исторического деятеля»: «То есть человек с авторитарным характером чувствует себя сильным, когда имеет возможность подчиняться и быть частицей власти, которая им возвеличивается и обожествляется (чему до некоторой степени способствует реальное положение вещей), и когда он самоутверждается, постоянно контактируя с людьми, подчиняющимися ему самому» [12, с. 127]. Наделенная комплексом неполноценности личность пытается обрести силу, вообразив себя сопричастной великим историческим событиям и свершениям. Но в данном аспекте с Раскольниковым происходит еще более радикальная психологическая трансформация: он пытается сам стать Наполеоном, а не только восхищается им, пытается совершить мутагенез из «твари дрожащей» в «право имеющего»: «А что и в самом деле! – сказал

он, как бы надумавшись, – ведь это ж так и было! Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил... Ну, понятно теперь?» [4, с. 318]. Попытаемся проследить, каким образом осмысляет данный психологический феномен в своей книге «Исследование авторитарной личности» один из главных идеологов франкфуртской школы критической социологии: «Фюрер – это тот, кого нужно слепо слушаться и воле которого надо подчиняться из-за его собственных, всесторонне значимых заслуг. Его психологический статус парадоксален: иррациональную преданность последователей он связывает с рациональной претензией, что он действительно особенно подходит для этой задачи и должен быть признан ими лучшим» [1, с. 360]. Если принять во внимание наш изначальный тезис о своеобразном «раздвоении личности» Раскольников, то, по Т. Адорно, убивала Алену Ивановну именно «темная сторона» личности главного героя «Преступления и наказания» [5; 6]. Родион как бы потерял контроль над собственной персоной, идея Наполеона сковала его свободу воли, заставила совершить преступление. Таковы катастрофические последствия искушения соответствовать своему «метафизическому идеалу», великому историческому деятелю Франции. Пытаясь соответствовать демоническому эталону, Раскольников полностью потерял себя, «светлую сторону» своей личности, стал безвольной марионеткой деструктивных идей. Однако, как свидетельствует эпилог романа, герою не удался эксперимент по превращению в Наполеона: «Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего, – прибавил он, вдруг рассмеявшись, как помешанный» [4, с. 211]. Франкфуртская школа объясняет подобную специфическую особенность личности тем, что в рамках любой семьи у мальчика латентно присутствует «комплекс Эдипа». Важной особенностью структуры личности Раскольника является то, что значительную часть жизни он прожил без отца. В рамках психоаналитической трактовки «Преступления и наказания» Наполеон может выступать в роли «авторитарного заместителя» отсутствующего отца героя романа. Формируя, с одной стороны, симптомокомплекс тотального подчинения, а с другой – склонность к анархической вседозволенности и «праву на преступление», пролитие «крови по совести» [7; 8].

4. Важной чертой авторитарной личности является ее «окаменелая бесчувственность», неспособность быть сопричастной страданиям другого человека. Более того, Достоевский значительно раньше социологических выкладок Т. Адорно сформулировал концепт «антропологического расчеловечивания», который был характерен для психической сферы большинства национал-социалистов. Всех врагов нацисты приравнивали к недочеловеческим существам, некоему новому неполноценному виду «недочеловека» («Untermensch»), нередко приравнивая личность врага практически к насекомому. По нашему мнению, анализ данного социально-психологического феномена франкфуртцы полностью заимствуют у Достоевского. Напомним, Раскольников не ставит знака равенства между собой и другими, для акта насилия ему необходимо было «расчеловечить» свою жертву. Именно поэтому он называет Алену Ивановну «жалкой вошью», вещь, объектом, недостойным гуманного к себе отношения: «Преступление? Какое преступление, – вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, – то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку-процентщицу, никому не нужную, которую убить – сорок грехов простят, и это-то преступление?» [4, с. 491]. В монографии «Исследование авторитарной личности» эта художественная гипербола Достоевского нашла свое теоретическое объяснение. Расчеловечивающие садистские технологии используются тогда, когда есть необходимость в жесточайшем насилии над другими, когда эндогенная психопатологическая мания величия порождает трагическую иллюзию о собственном превосходстве и псевдоуникальности: «Как установил Левенталь, фашистские ораторы имели обыкновение сравнивать своих врагов с “вредными насекомыми”» [1, с. 291]. Нам представляется, что речь мо-

жет идти о своеобразном «скрытом цитировании» социально-политических идей русского писателя со стороны Т. Адорно.

5. Важным элементом структуры личности с авторитарным типом характера является «комплекс узурпатора». По Т. Адорно, узурпатор – это личность, наделенная комплексом неполноценности и занимающая низкое социальное положение, но одновременно желающая занять наиболее привилегированное место в истеблишменте, личность, которая желает стать частью элиты. По мнению представителя франкфуртской школы, центральный вопрос для узурпатора – это вопрос о власти, а точнее, о превращении из «твари дрожащей» в «право имеющего». Безусловно, для Раскольникова это принципиальный вопрос, связанный со смыслом его экзистенции. В разговоре с Соней он заявляет: «Что делать? Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! Что? Не понимаешь? После поймешь... Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! Помни это! Это мое тебе напутствие! Может, я с тобой в последний раз говорю» [4, с. 289]. Ради этой цели узурпатор потенциально готов на самые разнообразные деструктивные поступки. Значительная часть правящей верхушки национал-социалистов обладала данным комплексом, «воля к власти» заставляла их совершать чудовищные злодеяния. Мы предполагаем, что «темная сторона» личности Раскольникова содержала в себе комплекс узурпатора, являющийся неотъемлемой частью авторитарного типа личности [9].

6. Важным подвидом авторитарной личности является так называемый «манипулятивный тип». Стоит заметить, что Раскольников рефлексировал по поводу возможности совершить убийство лишь до определенного момента: «Последний же день, так нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественною силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать» [4, с. 199]. Именно с этой минуты, когда он оказался во власти какой-то внешней силы, потерял свободу воли, его можно сравнить с личностью манипулятивного типа. По мнению Т. Адорно, «манипуляционность» – одна из главных первооснов человека с авторитарным типом сознания. Вот каким образом немецкий мыслитель описывает данный синдром: «Если синдром “фантазера” имеет что-то от паранойи, то синдром “манипулятивного” – от шизофрении. Однако в этом случае результатом разрыва между внутренним и внешним миром является не обычная “интроверсия”, а скорее, наоборот, вид насильственного сверхреализма, который рассматривает всё и каждого как объект, которым нужно владеть, манипулировать и который нужно понять соответственно своим собственным теоретическим и практическим шаблонам. <...> В качестве символа для многих представителей этого синдрома среди антисемитских-фашистских политиков может служить Гиммлер. Трезвый ум и почти полное отсутствие аффектов делают их теми, кто не знает пощады» [1, с. 289]. Нам представляется, что сознание Раскольникова вмещает конгломерат разнонаправленных волевых импульсов, в данном контексте он чрезвычайно напоминает человека, больного шизофренией, «точно в нем два противоположных характера поочередно сменяются». Сознание персонажа расслоено как минимум на две составляющих: «светлая сторона» личности противостоит «темной стороне», сострадание противостоит безжалостности, Христос борется с Наполеоном. Но кем был Раскольников в момент убийства? Разумеется, личностью с «манипуляционной первоосновой», которая не способна отличить живое от мертвого, страдающее от «окаменело бесчувственного». В момент совершения преступления персонаж как бы находился под влиянием психологического автоматизма, принципиально противопоставленного моральной рефлексии, волевая сфера была как бы подавлена. Главное в момент убийства для Раскольникова –

это действовать, а рефлексия потом, а лучше никогда. Именно люди дела, а не мысли, совершали самые чудовищные преступления против человечности во времена краткого пребывания национал-социалистов у власти в Германии.

Сделаем выводы. Безуловно, характеры персонажей Достоевского отличаются великой сложностью и противоречивостью, подавляющее большинство их обладают амбивалентной структурой личности, мучаются от неразрешимых противоречий и разнонаправленных волевых импульсов. Неоспоримо, что Раскольников обладал как положительными, так и отрицательными чертами характера, но мы в своем исследовании остановились на «авторитарном подполье» психосферы данного персонажа. Значительно раньше основных работ представителей франкфуртской школы критической социологии Достоевский описал авторитарный тип личности в своем произведении «Преступление и наказание».

Литература

1. Адорно Т. В. Исследование авторитарной личности. – М. : Астрель, 2012. – 473 с.
2. Адорно Т. В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. – М. : Канон : РООИ «Реабилитация», 2020. – 192 с.
3. Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления (Художественная феноменология русского протомодерна) – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – 412 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Т. 6 : Преступление и наказание : роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1973. – 423 с.
5. Ефремов В. С. Достоевский: психиатрия и литература. – СПб. : Диалект, 2006. – 464 с.
6. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Достоевский о тайнах психического здоровья. – М. : Изд-во Российского открытого университета, 1994. – 168 с.
7. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Бунт Ивана Карамазова как проявление «негативной диалектики» в компаративистском сопоставлении философии Г. Гегеля и Т. Адорно // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 2 (29). – С. 129–135.
8. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Критика конформистского универсума в произведениях Ф. М. Достоевского и М. Хоркхаймера // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 1 (28). – С. 116–122.
9. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Роль творчества Ф. М. Достоевского в становлении концепции садомазохизма в неомарксистской философии Э. Фромма // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 3 (30). – С. 130–139.
10. Леонгард К. Акцентуированные личности. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 544 с.
11. Лэнг Р. Д. Расколотовое «Я». – СПб. : Белый кролик, 1995. – 352 с.
12. Фромм Э. Догмат о Христе. – М. : Олимп : АСТ-ЛТД, 1998. – 416 с.
13. Шестов Л. Сочинения. – М. : Раритет, 1995. – 431 с.

Alexey Vladimirovich Lesevitsky,

Lecturer, Department of Educational, Humanitarian and Social Disciplines, Perm Branch of the Financial University (Perm)

An «Authoritarian Man» as the Main Character of the Novel «Crime and Punishment»

For the first time in the research literature, the author interprets R. Raskolnikov's Psychosphere through the prism of T. Adorno's "authoritarian personality" theory. The article shows that the hero of "Crime and punishment" had the following destructive features: sadomasochism syndrome, distorted paranoid perception of reality, false stereotypical thinking, the tendency to authoritarian submission, and "usurper complex". T. Adorno describes all of the above features in his bestseller "The study of the authoritarian personality". Thus, one can call the work of

F. M. Dostoevsky a kind of Overture to the anthropological concepts of representatives of the Frankfurt school of critical sociology.

Keywords: authoritarian personality; Frankfurt school of sociology; Raskolnikov; structure of the psyche; T. Adorno; F. M. Dostoevsky.